

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ
И ТИБЕТОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*письменные
источники*

Вып. 12

Улан-Удэ
2019

УДК 930

ББК 63.2+86.39(5А/Я)

К 906

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Ц. П. Ванчикова* (отв. ред.),
д-р ист. наук *С. В. Бураева*, канд. филол. наук *Д. В. Дашибалова*,
канд. ист. наук *М. В. Аюшеева* (секретарь)

Рецензенты:

д-р культурологии, проф. *М. И. Гомбоева*
д-р. ист. наук *Л. В. Курас*
канд. филол. наук, доц. *О. Д. Тугулова*

К 906 Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 12. – Улан-Удэ, 2019. – 222 с.

ISSN 2304-1838

Предлагаемый вниманию читателей очередной номер серии «Культура Центральной Азии: письменные источники» состоит из трех крупных блоков. В первом – публикуются статьи, анализирующие отдельные вопросы истории религий и буддийской философии, представлен перевод 16–25 глав «Ратна-гуна-самчягатха». Второй блок посвящен изучению цифровых технологий в гуманитарных исследованиях; в третий блок включены статьи, связанные с изучением письменных источников и архивных документов.

Представляет интерес для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории и культуры народов Центральной Азии.

ISSN 2304-1838

© ИМБТ СО РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

Камалов А. К.

«УЙГУРСКИЙ ПУТЬ» – СЕВЕРНАЯ ВЕТВЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Статья посвящена анализу сведений танской династийной истории «Синь Тан шу» (Новая история династии Тан) о северной ветви Великого Шелкового пути, проходившего по территории Уйгурского каганата (744–840) и получившего в китайских сочинениях название «уйгурского пути» (*кит.* хуэйху лу). Наряду с переводом китайского текста, описывающего северную уйгурскую ветвь торговых путей, в статье приводятся данные о том, когда и при каких обстоятельствах использование данного пути становилось жизненно важным для торговых караванных сообщений между Срединной империей и оазисами Восточного Туркестана. Китайские сведения об уйгурском пути сравниваются с топонимическими данными древнеуйгурской рунической надписи из Могойн Шине Усу (Селенгинский камень или надпись Моюн чура, 759–760 гг.), а также рассмотрены в контексте известий о маршруте до ставки уйгурского (токуз-огузского) кагана в Ордубалыке, имеющих в арабских историко-географических сочинениях, которые восходят к путевым записям Тамима ибн Бахра (820-е гг.). Упадок уйгурской ветви Шелкового пути наступает после падения Уйгурского каганата, когда контроль в степи переходит в руки енисейских кыргызов. Кыргызы, однако, не смогли поддержать функционирование «уйгурского пути», поскольку практически не имели торговых отношений с танским Китаем.

Ключевые слова: уйгурский путь, Уйгурский каганат, Шелковый путь, торговля, древнетюркские рунические памятники, танские источники.

«UIGHUR ROAD» AS THE NORTHERN BRANCH OF THE GREAT SILK ROAD
(PRELIMINARY ANALYSIS)

The article contains analysis of the accounts of the Tang dynastic history «Xin Tang shu» on northern branch of the Great Silk Road, which stretched on the territory of the Uighur Khaghanate (744–840 AD) and was called «Uighur road» (*Chin. Huihe lu*) in Chinese sources. Alongside with a translation of the Chinese text describing the northern Uighur branch of the trade roads, the article discusses the issue of how and in which circumstances the use of the Uighur road became vital for the trade caravan communication between the Middle Kingdom and oases of Eastern Turkistan in the West. Chinese accounts on the Uighur road are compared with toponymic accounts of the Old Uighur runic inscription from Mogoin Shine Usu (also known as Selenga stone or Moyun-chur inscription, 759-760 AD); at the same time they are put in the context of information of the Arabic geographers and travellers who visited the headquarters of the Uighur (toquz-oghuz) khaghan in Ordubalyq. Those Arabic accounts derive from travelogue records by Tamim ibn Bahr (820s). Decline of the Uighur branch of the Silk Road occurred after breakup of the Uighur Khaghanate, when the Enissey Kyrgyzs became masters of the steppe. Kyrgyzs, however, were not able to keep the «Uighur road» functioning, since they practically did not maintain trade relations with China.

Keywords: Uighur road, Uighur Khaghanate, Silk road, trade, Turkic runic inscriptions, Tang sources.

Представления о существовании торговых путей, соединявших дальневосточные страны по суше с государствами и народами Запада, основаны, прежде всего, на исторических сведениях о торговых отношениях Китая со странами и народами Внутренней и Центральной Азии. Эти пути, по которым следовали торговые караваны и осуществлялся обмен продуктами между странами Востока и Запада, не проходили по каким-то строго фиксированным, раз и навсегда установленным, неизменным маршрутам. Они формировались в соответствии с географическими и ландшафтными особенностями местностей, по которым

могли двигаться торговые караваны, имели ответвления и могли менять траекторию в зависимости от экономических факторов (минимальные издержки) или военно-политической ситуации (войны, грабежи).

Начальным отрезком торговой трассы, бравшей начало в столице Срединного государства, был Хэсийский коридор, соединявший Китай с Восточным Туркестаном, который вместе с прилегающими к нему с запада соседними территориями китайцы относили к «Западному краю» (*кит.* Сиюй). Здесь караванный путь разветвлялся, образуя две дуги, проходящие вдоль северной и южной оконечностей пустыни Такла-Макан. Продвигаясь далее в западном направлении за пределами Восточного Туркестана, торговые пути шли по территории нынешних центрально-азиатских государств.

Вернемся к Хэсийскому коридору. Этот коридор представлял собой узкую полосу плоскогорья и низменности в нынешней провинции Ганьсу КНР, удобную для прохождения торговых караванов. В силу своего стратегического расположения Хэсийский коридор постоянно становился объектом борьбы Китая с соседними народами. Территория Хэси изначально была местом расселения тюркских, тибетских и монгольских племен. В эпоху существования объединенных китайских империй, начиная с Хань (III в. до. н.э. – III в.), Хэсийский коридор периодически включался в состав Срединного государства и стал постепенно колонизоваться ханьцами. Очень часто он попадал под контроль соседних стран и народов, соперничавших с Китаем за господство. В такие периоды международная торговля продолжала осуществляться через Хэси, но контролировалась уже не Китаем, а его новыми властителями – тибетцами или тюркскими племенами.

Дорога ветров или «уйгурский путь». Через Хэсийский коридор проходила основная, но не единственная торговая магистраль, которая соединяла Китай с Западом. Значительную роль

играли северные пути, проходившие через степные районы современной Монголии, населенные кочевыми народами. Эти пути позволяли обойти Хэсийский коридор и провести караваны на Запад в тех случаях, когда Хэси оказывался в руках враждебных Китаю «иноземцев». Одной из таких ветвей Великого Шелкового пути, проходивших по северным землям в эпоху существования древнетюркских государств и китайской империи Тан (618–907), был так называемый «уйгурский путь». Он соединял Китай с Восточным Туркестаном через степные области современной Монголии и получил свое название в эпоху существования Уйгурского каганата (744–840) [Камалов, 2001], когда он стал важнейшей торговой артерией Шелкового пути. Название «уйгурский путь» (*кит.* хуэйху лу) сохранилось за ним и в последующие времена и зафиксировалось в китайских географических и исторических сочинениях. Этот путь приобретал большое значение в периоды, когда Китай терял контроль над Хэсийским коридором. Особенно важным он стал после 766 г., когда Хэси был захвачен Тибетом, а Танская империя потеряла свои военные гарнизоны в Западном крае. Позже, в 789 г., после поражения китайцев от Тибета в войне за Бейтин (Бешбалык) в Восточном Туркестане последний танский генерал бежал в Уйгурский каганат, и история этого бегства описана в танских источниках. «Уйгурским путем» воспользовался китайский буддийский монах У-кун при возвращении домой из Индии в конце VIII в. [Chavannes, Levi, 1895: 341–371]. Об этом сообщается в «Записях о поездке Укуна в Индию», согласно которым У-кун (Чэ Фэнчао) в 751 г. во главе посольства побывал в Цзибине (Кашмир), а в 789 г., возвращаясь из Индии в Китай, достиг Бейтина, а оттуда, из-за того что Хэсийский коридор был захвачен Тибетом, последовал домой по «уйгурской дороге» [Восточный Туркестан, 1988: 380].

В научной литературе существуют упоминания этого пути, который, однако, не становился предметом специального изуче-

ния. Ссылки на «уйгурский путь» можно найти в трудах С. Г. Кляшторного [Кляшторный, 1964: 100–101] и Е. И. Лубо-Лесниченко [Восточный Туркестан, 1988: 380]. В европейской и американской географической литературе этот путь получил название «дороги ветров». Подробное описание этой дороги можно найти в отчетах экспедиций Р. Эндрюса и О. Латтимора, русского путешественника М. В. Певцова [Lattimore, 1929: 303–326]. Из имеющихся ее описаний в литературе известно, что она пролегла вдоль склонов Гобийского Алтая и Восточного Тянь-шаня, а в XIX в. она начиналась близ северо-восточной границы Ордоса, в Хух-хото (*кит.* Гуйхуачэн) и продолжала быть торговой артерией [Кляшторный, 1964: 100]. В 1929 г. американский ученый Оуэн Латтимор прошел по «дороге ветров» из Китая в Монголию, а оттуда в Восточный Туркестан. По его данным, путь от Хух-хото до Гучена в Восточном Туркестане, расположенном в 30 км. от исторического Бешбалыка (*кит.* Бейтин), равен 1587 километрам. О. Латтимор затратил на преодоление этого пути почти четыре месяца. По описанию Р. Эндрюса, «дорога ветров – естественный путь в Туркестан, так как позволяет использовать подземные воды и прекрасные пастбища Алтая и обходит с севера Великое песчаное море» [Andrews, 1932: 369].

«Дорога ветров» отмечена на тангутской карте XI в., которая была издана известным российским востоковедом Е. И. Кычановым. По словам С. Г. Кляшторного, «в северо-западной части излучины Желтой реки дорога сворачивала в Ордос и вела в Центральный Китай. Путь через Ордос был самым удобным – до Юаньской династии крупнейшие центры империи и обе ее столицы локализовались в провинциях, расположенных к югу и юго-востоку от Ордоса. Другое сообщение о пути через Ордос, относящееся к X в., содержится в письме семи буддийских наставников (ачарья) из Индии, направлявшихся в Китай через Шачжоу – Шофан. По дороге пилигримы были ограблены уйгурами и написали жалобу, доставленную китайскому наместнику

в Шачжоу» [Кляшторный, 1964: 101]. С. Г. Кляшторный также указывал на факт использования этого пути согдийцами в более позднее время, что отражено в сообщении историка Джувейни (XIII в.) о Самарканде. С. Г. Кляшторный полагал, что «дорога ветров», которая была северным путем достижения Китая из Восточного Туркестана, существовала уже в VII в.

Танская династийная история об «уйгурском пути». «Уйгурский путь» (дорога ветров) шел из Бешбалыка (*кит.* Бэйтин) к оз. Баркуль, далее на северо-восток к столице Уйгурского каганата Харабалгас. Подробное описание части этой дороги, ведущей из Северного Китая в ставку уйгурского кагана, дано в танской династийной истории «Синь Тан шу» (Новой истории династии Тан). Китайский текст об уйгурском пути приводится нами ниже. Он имеет большое значение для изучения торговых путей в древнетюркскую эпоху, которую условно можем отнести к раннему средневековью в истории Евразии. Сведения, содержащиеся в данном тексте, можно сопоставить с данными тюркских рунических надписей, что открывает новые перспективы в изучении исторической географии Центральной Азии древнетюркского периода. Приведем описание «уйгурского пути» согласно «Синь Тан шу»:

«От крепости Средний *Шоусян-чэн* прямо на север, [а затем если] пройти на восток, имеется долина Хуяньгу, в южном проходе в долину имеется укрепление Хуянь, в северном проходе в долину имеется укрепление Гуйтан. Эта дорога для повозок, по которой проходят уйгурские послы. Пройдя дальше 500 *ли*, достигают родника Питицюань.

Еще через 10 *ли* вступают в пустыню, проходят горы Сялушань, горы Луэршань (Уши Оленя), горы Цзоцзяшань, через 80 *ли* достигают горы Яньцзыцзин (Ласточкин колодец). Еще на северо-западе проходят горы Мисушань, озеро Таданьшань (Татар), озеро Емапо (Дикие лошади), ключ Кэхань (каган),

хребет Хэнлин, ключ Мяньцюань (Хлопковый), озеро Цзинпо (Зеркальное), через 700 *ли* достигают уйгурской ставки.

Еще другая дорога начинается от родника, на севере проходит город Гунчжу-чэн (город Принцессы), город Мэйцзянь-чэн, горы Долосы (Талас), скалу Чи-я (Красная скала), озеро Яньпо, реку Хуньйшань (Дверные печи), хребет Мучжунлин, через 5000 *ли* также достигают до уйгурской ставки.

На востоке [уйгурской ставки] имеется голая равнина, на западе опирается на горы Отыкен, на юге опирается на реку Орхон, на север от [ставки] через 600–700 *ли* достигают реку Сянь-э (Селенгэ), на северном берегу реки имеется Фуюй-чэн (Богатый город, т.е. Бай-балык)» (*Синь Тан шу*. Раздел «География», Уйгурский путь (хуэйхэ лу), гл. 43) [*Синь Тан шу*, 1986, гл. 43: 76].

Идентификация некоторых топонимов, упоминаемых в этом описании, возможна на основе сопоставления текста с древнетюркскими и древнеуйгурскими руническими надписями из Монголии. Прежде всего нужно сказать, что этот путь начинался с крепости Средний *шоусянчэн*, который локализован А. Г. Малявкиным на северном берегу Хуанхэ на западе нынешнего Улатэци Внутренней Монголии [Малявкин, 1981: 65]. Некоторые названия местностей, зафиксированные в тексте, находят смысловые, но не фонетические, аналогии в топонимах, упоминаемых в надписи из Могойн Шине Усу, созданной в честь уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (756 г.). Это – горы Луэршань (Уши Оленя), которые могут быть идентифицированы с топонимом Бюкюгяк (в надписи Могойн Шине Усу или Селенгинском камне сказано: «В Бюкюгяке не осталось ни одного из восьми огузов и девяти татар» (стк. 13) [Малов, 1959: 39], родник Питицюань – с озером Казлук (гусятник) (в надписи: «У озера Казлук (гусятник) они увидели», стк 26, С. 41), озеро Яньпо (соленые) – с Ачыг Атыр (стк. 40) [Малов, 1959: 18]. Город Мэйцзяньчэн идентифицирован казахстанским синологом Ю. А.

Зуевым с уйгурским городом Пайкент. Город Долосы (Талас) упоминается в «Биографии Ван Чжунсы». В котором говорится, что китайский военачальник «атаковал город Долосы (Тараз)» [Цэнь Чжун-мянь, 1958: 464].

Описанный выше «уйгурский путь» начинался в приграничном укреплении Средний Шоусян-чэн и заканчивался в ставке уйгурского кагана в городе Ордубалык. Первая часть пути доходила до родника Питицюань, после которого дорога раздваивалась. Одна дорога проходила сначала по пустынной части, потом по пресеченной местности с горными хребтами и многочисленными озерами (заслуживают внимания на этом отрезке пути такие топонимы, как «Каганский родник» и «Татарское озеро»). Вторая дорога пересекала два уйгурских города Гунчжу и Мэйцзян, а далее также пошла по пересеченным местам с горами, озерами и реками.

Главным пунктом назначения «уйгурского пути» являлась ставка уйгурского правителя в Ордубалыке. Описание маршрутов, проходивших через уйгурские кочевья, сохранились также в арабских источниках, сведения в которых заимствованы в основном из путевых записей Тамима ибн-Бахра, арабского посланника и путешественника, совершившего поездку в отдаленные тюркские земли в 820-х годах. Заслуга в переводе и интерпретации сведений Тамима Ибн Бахра принадлежит Ф. М. Минорскому, который установил, что они восходят к описанию страны токузгузов (уйгуров), имеющемуся у Аль-Идриси: «Страна токузогузов – за страной Фергана. Страна и земля Тибета соприкасаются с Сином и некоторыми районами Индии. Со страной Син с севера граничат земли карлуков, а на востоке – токузогузы. Тантабит – большой город токузогузов, который имеет 12 железных ворот; жители его иноверцы. Среди них есть такие, которые поклоняются огню. Местопребывание царя токузогузов – город Тантабит. В нем имеются укрепленные стены. Он находится на берегу реки, проистекающей со стороны восто-

ка. От этого города до Верхнего Барсхана через соседнюю Фергану два месяца пути. Земли токузогузов смежны с восточным морем Мрака.

От города Тантабит до города Бахван 12 дней пути. Город находится внутри владений токузогузов. В нем (правит) царь из потомков хакана токузогузов ... Город имеет укрепленные стены, внутри города есть рынки, где продают чудесные изделия из железа и всякие вещи из разных сортов дерева и фарфора. Город расположен на берегу реки, текущей с восточной стороны, вокруг города – поля и пастбища тюрок... Из этого города вывозят изделия из железа в Тибет» [Китаб нузхат, 2010: 67–68].

Уйгурский путь в торговле танского Китая с западными странами. По описанному выше «уйгурскому пути» осуществлялись торговые и дипломатические отношения между Танской империей и Уйгурским каганатом. Если посольские отношения установились с первых лет установления уйгурского господства в степи, то торговый обмен уйгурских лошадей на китайских шелк начался в период восстания Ань Лушаня (755-763 гг.). Длительное время после подавления восстания Ань Лушаня торговый обмен уйгурских лошадей на китайский шелк носил вынужденный для Китая характер: торговля была навязана уйгурами за помощь танской династии в подавлении повстанцев [Камалов, 2000]. Торговый обмен был прерван в начале правления императора Дэ-цзуна, но примерно через десять лет восстановлен и закреплён династийным браком (*кит.* хэцинь) и союзническим договором (788 г.). Согласно договору, торговый обмен должен был ограничиться одной тысячью голов лошадей за один раз [Ма Цзюнь-минь, 184: 70–71].

В период упомянутой выше уйгуро-тибетской войны по уйгурскому пути продолжала осуществляться торговля, хотя и в ограниченном виде, но в период правления Кутлуг-кагана (795–805 гг.) уйгуро-танские отношения, в том числе торговые, пре-

рвались в связи с активизацией военных действий уйгуров в Восточном Туркестане.

После восстановления уйгуро-танских отношений в 805 г. уйгурские «даннические» посольства прибывали в Китай в 806–808 гг. О том, что эти посольства на самом деле были торговыми, свидетельствует Бо Цзюйи. В письменном наследии поэта сохранились два сочинения, в которых он затрагивает проблем уйгуро-танской торговли: «Письмо уйгурскому кагану» (808 г.) и стихотворение «Дорога в горах Иньшань» (809 г.). Оба эти сочинения переведены на русский язык и проанализированы автором этой статьи в книге «Тюрки и иранцы в Танской империи» [Камалов, 2017: 324–237]. Здесь лишь приведем те строки из стихотворения «Дорога в Иньшань», которые описывают часть уйгурского пути, проходившую через горы Иньшань (*тюрк.* Чогай кузи) в северном приграничье:

Дорога в горах Иньшань, дорога в горах Иньшань,
Густою травой покрыты подножья, прекрасны источники,
Всякий раз, когда прибывали варвары, пригоняя с собой лошадей,

На тысячу *ли* вокруг пути не оставалось ни травинки.

Трава уничтожалась, источники осушались [Камалов, 2017: 325].

В 813 г. в местности Питицюань (Гагарий источник), где «уйгурский путь» делился на два направления, появилась трехтысячная уйгурская конница во главе с Баои-каганом, напугав танский двор. Армия кагана не пошла дальше в Китай, а появление ее на границе было связано с тем, что дважды, в 810 г. и 813 г., танский император отказал уйгурскому Инанчу в предложении о заключении очередного династийного союза.

Апогеем уйгуро-танских отношений в начале IX в. стало заключение династийного брака в 821 году. В этот год уйгурский каган направил в западную столицу Китая г. Чанъань самое многочисленное в истории двухсторонних отношений посоль-

ство, состоявшее из 2 тысяч человек. Это посольство привезло в Китай 20 тысяч лошадей, 1 тысячу верблюдов, соболиные меха, пояса с яшмой и др. Однако императором было дозволено из этой «дани» ввезти в столицу только 1 тысячу лошадей и 500 верблюдов [Цзю Тан шу, 1936, гл. 195: 11а].

Интенсивность уйгуро-танской торговли в начале IX в. отразилась в сообщении Тамима ибн Бахра, который отмечал, что «каган, царь токузгузов, имеет родственные брачные отношения с царем Китая, и последний присылает ему ежегодно 500 тысяч (кусков) шелка» [Minorsky, 1948: 282].

Торговля уйгуров с танским Китаем не ограничивалась, конечно, только обменом лошадей на шелк. Среди других товаров, вывозившихся уйгурами из Китая, были предметы роскоши, утварь, другие продукты земледельческого производства, образцы которых обнаружены археологами в уйгурских городищах в Монголии и Туве. Кроме того, довольно популярным китайским товаром был чай, о чем Э. Шефер писал: «С середины VIII в. получила распространение торговля чаем: есть сведения в источниках, что уйгуры, прибывавшие в столицу, прежде всего, направляли своих коней к лавкам торговцев чаем. Среди иностранных торговцев на Западном рынке главенствовали соотечественники этих любителей чая – уйгуры-ростовщики, которым бесчисленные китайские дельцы, искатели кредита, или молодые моты в обеспечение взятых денег закладывали землю, домашнюю утварь, рабов и даже священные реликвии» [Шефер, 1981: 37]. Однако остальные предметы торгового обмена не ввозились в каганат в таких масштабах, как шелк. Огромное количество шелка, ввезенного в каганат, предназначалось не только для внутренних нужд. Значительная его часть использовалась уйгурами и жившими в их стране согдийцами для транзитной торговли со странами Запада. Дело в том, что с началом восстания Ань Лушаня, Хэсийский коридор, соединявший Китай с оазисами Восточного Туркестана, был захвачен Тибетом, и есте-

ственная магистраль караванных путей оказалась закрытым для Китая, враждовавшего с тибетцами. Вместе с тем, тибетцами были захвачены лучшие пастбища Танской империи, находившиеся в западных провинциях и обеспечивавшие страну лошадьми. Эти два обстоятельства были использованы уйгурами в своих интересах. Уйгуры стали поставлять в большом количестве Китаю лошадей и вывозить шелк, превратив «уйгурскую путь» через территорию каганата в основную торговую артерию, связывавшую Китай с западными странами.

После распада Уйгурского каганата (840 г.) и установления кыргызского господства в степи на полстолетия очень важным в торговых отношениях стал отрезок караванного пути из Восточного Туркестана в Южную Сибирь, получивший название «кыргызского пути». Этот путь шел из Турфана через Джунгарию в предгорья Алтая, далее через Алтай и Саяны в Минусинскую котловину, где находилась ставка кыргызского (хакасского) кагана. По нему осуществлялась интенсивная торговля между оседлым населением Восточного Туркестана и кочевниками Южной Сибири, Монголии и Северного Китая. В кыргызскую эпоху можно говорить об утрате значения и даже об упадке некогда оживленного «уйгурского пути», поскольку Кыргызский каганат поддерживал очень слабые отношения с Танской империей, которые сводились к ограниченному количеству кыргызских посольств в столицу Срединного государства – Чанъан.

Литература

1. Восточный Туркестан в древности и средневековье. Очерки истории. М.: Изд-во восточной литературы, 1988. 455 с.
2. Chavannes E., Levi S. Voyages de pelerins bouddhistes. L'itineraire d 'Ou-K'ong (751–779) // Journal Asiatique. Ser. 9. Vol. 6. 1895. P. 341–371.
3. Камалов А. К. О торговле Уйгурского каганата с Танским Китаем // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии наук РК. № 5 (229). 2000. С. 16–25.

4. Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
5. Камалов А. К. Тюрки и иранцы в Танской империи. Алматы: Мир, 2017. 384 с.
6. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 213 с.
7. «Китаб нузхат ал-муштак» ал-Идриси // Восточные источники об Алматы. Алматы: Дайк-пресс, 2010. С. 67–68.
8. Малов Е. С. Древнетюркские надписи из Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. 111 с.
9. Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во «Наука». 1981. 336 с.
10. Ма Цзюнь-минь. Тан юй хуэйхэ ды цюаньма маои. Тандай мацзюань синьтан (Торговый обмен шелка на лошадей между Тан и уйгурами. Новое исследование стоимости лошадей в переводе на шелк в эпоху Тан) // Чжунго ши яньцзю. № 1. 1984. С. 67–76.
11. Minorsky V. F. Tamim Ibn-Bahr's Journey to the Uighurs // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. XII. #2. 1948. P. 275–305.
12. Lattimore O. The Desert Road to Turkestan. Boston: Little, Brown, and Company, 1929. 373 с.
13. Andrews Ch. The new conquest of Central Asia. A narrative of the explorations of the Central Asiatic expeditions in Mongolia and China, 1921–1930. New York, 1932. 678 с.
14. Синь Тан шу (Новая история династии Тан) / Сост. Оу Янсю. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1986.
15. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книги о чужеземных диких животных в империи Тан. М.: Наука, 1981. 607 с.
16. Цэн Чжун-мянь. Туцзюэ цзиши (Материалы по истории тюрков). Т. 1–2. Пекин, 1958. 1136 с.
17. Цзю Тан шу (Старая история династии Тан). Сост. Лю Сюй. Серия «Сыбу цункань». Шанхай, 1936.

References

1. Vostochnii Turkestan v drevnosti i srednevekov'e. Ocherki istorii. M.: Izd-vo vostochnoi literatury, 1988. 455 s.

2. Chavannes E., Levi S. Voyages de pelerins bouddhistes. L'itineraire d 'Ou-K'ong (751–779) // *Journal Asiatique*. Ser. 9. Vol. 6. 1895. P. 341–371.
3. Kamalov A. K. On trade of Uighur Kaghanate with Tang China // *Proceedings of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, National Academy of Sciences of RK*. № 5 (229). 2000. P. 16–25.
4. Kamalov A. K. *Drevnie Ugury*. VIII–IX vv. Almaty: Nash mir, 2001. 216 s.
5. Kamalov A. K. *Tyrki i irantsy v Tanskoj imperii*. Almaty: Mir, 2017. 384 s.
6. Klyashtorniy S. G. *Drevnetiyrskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii*. M.: Nauka, 1964. 213 s.
7. «Kitabi nuzkhat al-mushtak» al-Idrisi // *Vostochnie istochniki ob Almaty*. Almaty: Daik-press, 2010. S. 67-68.
8. Malov E. S. *Drevnetiyrskie nadpisi iz Mongolii i Kirgizii*. M.–L., 1959. 111 s.
9. Maliavkin A. G. *Istoricheskaja geografiia Tsentralnoi Azii*. Novosibirsk: Izd-vo «Nauka». 1981. 336 s.
10. Ma Jun-min. Tang yu huihe de juanma maoyi. Tangdai majuan xintan // *Zhongguo shi yanju*. № 1. 1984. P. 67–76.
11. Minorsky V. F. Tamim Ibn-Bahr's Journey to the Uighurs // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. XII. #2. 1948. P. 275–305.
12. Lattimore O. *The Desert Road to Turkestan*. Boston: Little, Brown, and Company, 1929. 373 p.
13. Andrews Ch. *The new conquest of Central Asia. A narrative of the explorations of the Central Asiatic expeditions in Mongolia and China, 1921–1930*. New York, 1932. 678 p.
14. *Xin Tang shu (New History of the Tang dynasty)* / Comp. by Ou Yangxiu. Beijing: Zhonghua shuju, 1986.
15. Shefer E. *Zolotie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinkakh v imperii Tan*. M.: Nauka, 1981. 607 s.
16. Cen Zhong-mian. *Tujue lishi (Materials on history of Turks)*. Vol. 1–2. Beijing, 1958. 1136 p.
17. *Jiu Tang shu (Old history of the Tang dynasty)* / Comp. by Liu Xu. Seria «Sibu cungan». Shanghai, 1936.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЮШЕЕВА Марина Васильевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: ayagma@yandex.ru

БУРАЕВА Светлана Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: ladys@inbox.ru

ДАШИБАЛОВА Дарима Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: dardash3@gmail.com

ДЭМЧИГМАА Оуюнханд – PhD, доцент, кафедра монгольского языка и лингвистики Монгольского государственного университета. E-mail: odemchigmaa2000@gmail.com

ЖАБОН Юмжана Жалсановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: yumzhan@mail.ru

КАМАЛОВ Аблет Каюмович – профессор Университета «Туран», Алматы, Казахстан. E-mail: a.kamalov@turan-edu.kz

ЛЕПЕХОВ Сергей Юрьевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: lepekhov@yandex.ru

МИЯГАСHEBA Суржана Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: surjana@yandex.ru

НАРАНЗАНДАН – аспирант Института литературы и языка национальных меньшинств при Центральном университете Китая (Пекин). E-mail: naranzandan@hotmail.com

РИНЧИНОВ Олег Сергеевич – кандидат физико-математических наук, координатор Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: orinch2@mail.ru

ХИТОШИ КУРИБАЯШИ – почетный профессор Университета То-хоку (Япония). E-mail: hkuri@gerel.net

ЦЭЦЭГМАА Жамбалын – доктор наук (Sc.D), проректор университета «Их Засаг». E-mail: tuul.iziu@gmail.com

ЦЫПИЛОВА Снежана Сергеевна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: ai_qing@mail.ru

ЦЫРЕНОВ Чингис Цыбикдоржиевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: chts17@mail.ru

HONG JUN (UUKHAN JAMIYAN) – PhD, Институт философии и религиоведения, Монгольский государственный университет. E-mail: Jamyani08@yahoo.com

Содержание

РЕЛИГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Лепехов С. Ю.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТАТХАТЕ И ШУНЬЯТЕ В «РАТНА-ГУНА-САМЧАЯ-ГАТХЕ»	3
<i>Hong Jun.</i> АНАЛИЗ КИТАЙСКОЙ, ТИБЕТСКОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ ВЕРСИЙ АВАТАМСАКА-СУТРЫ	32
<i>Жабон Ю. Ж.</i> КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДАМЦИК ДОРДЖЕ (1781–1855)	44
<i>Дэмчигмаа О.</i> УУЛ УСАА ДЭЭДЛЭН ШҮТЭХ МОНГОЛ ЁС ХИЙГЭЭД САН ТАХИЛГЫН СУДАР	56
<i>Миягашева С. Б.</i> РОДОСЛОВНЫЕ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ХОРДУТСКИХ ШАМАНОВ	68

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Kuribayashi Hitoshi.</i> ON THE DEVELOPMENT AND UTILIZATION OF WEB-DICTIONARY OF MONGOLIAN TRADITIONAL DICTIONARIES	91
<i>Ринчинов О. С.</i> СТРУКТУРНАЯ РАЗМЕТКА БУРЯТСКИХ СТАРОПИСЬМЕННЫХ СОЧИНЕНИЙ ДЛЯ ДИАХРОНИЧЕСКОГО КОРПУСА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА	106

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ

<i>Камалов А. К.</i> «УЙГУРСКИЙ ПУТЬ» – СЕВЕРНАЯ ВЕТВЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)	118
<i>Цыренов Ч. Ц.</i> ВНЕШНЯЯ ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА МАНЬЧЖУРСКИХ МОНАРХОВ РАННЕГО ПЕРИОДА ДИНАСТИИ ЦИН (ПО МАТЕРИАЛАМ ХРОНИКИ «ДАЙ ЦИН ТАЙЦЗУ ШИЛУ»)	132
<i>Наранзандан.</i> ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ	145
<i>Цэцэгмаа Ж.</i> ЖАМСРАНГИЙН ЦЭВЭЭНИЙ “УЛСЫН ЭРХ” ЗОХИОЛЫН ТУХАЙД	165
<i>Аюшеева М. В.</i> ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ СОЛО ВАНДАНОВА	173
<i>Бураева С. В.</i> ЛЕТОПИСЬ НАУЧНЫХ БУДНЕЙ: ХАРАКТЕРИСТИКА ФОТОМАТЕРИАЛОВ 1920–1960-Х ГГ. ИЗ АРХИВНОГО ФОНДА ЦВРК	187
<i>Дашибалова Д. В.</i> О РАБОТАХ Н. П. ШАСТИНОЙ В АРХИВНОМ И БИБЛИОТЕЧНОМ ФОНДАХ ЦВРК ИМБТ СО РАН	197
<i>Цыпилова С. С.</i> ДНЕВНИКИ В. Ц. НАЙДАКОВА В ФОНДАХ ЦЕНТРА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ И КСИЛОГРАФОВ ИМБТ СО РАН	206
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	219